Любимая учительница

Автор:
Мария Зайцева

Любимая учительница

Мария Зайцева

(Не)совершенная любовь

Я преподаватель, у меня отличное место работы и карьера в перспективе.

Я молода, красива, активна.

Голоса моих любовников удаляются все дальше, и я знаю, куда они идут. На занятия по русской литературе, которые веду у них я.

И как я так попала?

Мария Зайцева

Любимая учительница

Глава 1

– Татьяна Викторовна, задержитесь, пожалуйста!

Голос проректора тормозит меня уже на входе из актового зала, где проходил большой педсовет университета.

Лена, преподаватель кафедры философии, моя коллега и подруга, посмотрела сочувственно, подмигнула, дескать, держись.

Ага, держусь…

Березинский дожидается, пока все выйдут, спускается со сцены, подходит, несколько интимно прихватив меня за локоток.

Вот не люблю я этого!

И проректора тоже не люблю. Липкий, масляный какой-то. С начала года учебного все посматривает на меня, ходит кругами, как акула, кровь почуявшая, но еще не решающаяся напасть.

Сначала прикусит, чтоб самой одуреть сильнее и страх потерять.

Ни минуты бы с ним не разговаривала, но начальство же. Надо по крайней мере выслушать.

– Татьяна Викторовна, вопрос по Алиеву…

О! Началось!

– Виталий Геннадьевич, если вы о его успеваемости, то ничего добавить дополнительно к тем словам, что услышали от меня его родители, не могу. Я не буду ставить зачет просто так.

– Не просто так, Татьяна…

Опять за локоть схватил! Да что же это?

Я резко высвобождаюсь, выхожу из зала, твердо намереваясь закончить разговор, но проректор догоняет.

– Татьяна Викторовна!

Ну все! С меня хватит!

Я разворачиваюсь к нему, уклоняясь от очередной попытки сокращения дистанции, и припечатываю, негромко, но отчетливо, и, как надеюсь, доходчиво:

– Я прекрасно понимаю все эти ваши "не просто так", и ничего общего с ними иметь не желаю! И с семьей Алиевых тоже! Либо он сдает мой предмет, как положено, либо я ставлю ему незачет. А уж как вы дальше будете с ним взаимодействовать, мне все равно. Я очень рада, что литература у них закончилась, и больше я у него ничего вести не буду. А теперь, извините, у меня перерыв заканчивается, а мне надо успеть до второго корпуса дойти.

Я разворачиваюсь и, пока проректор не придумал еще повода меня задержать, быстро иду по уже опустевшему к вечеру коридору университета.

Разговор этот неприятный я сразу выкидываю из головы, настраиваясь на работу. У меня еще две вечерних пары на физкультурном, у выпускников. И это будет напряженно. Надо собрать все душевные силы, потому что с некоторых пор вести занятия у них мне было крайне тяжело.

И совсем не литература тому причиной.

Поглощенная внутренней душевной настройкой, я не особо отслеживаю ситуацию вокруг.

И очень, очень зря!

Потому что, когда внезапно открывается дверь химической лаборантской, я успеваю только вздрогнуть и открыть рот.

На губы мне сразу же падает здоровенная жесткая пятерня, другая такая же лопата обхватывает талию, и следующий судорожный вдох я делаю уже в полутьме лаборантской.

Видно плохо, но, собственно, и разглядывать-то нечего.

Тяжелый выдох в шею, ощущения жёсткого жилистого тела за спиной, разбитые лапы дзюдоиста. Глеб.

Шевельнувшаяся, до этого совершенно неразличимая во тьме, мощная медвежья фигура борца-супертяжа, обманчиво медленно двинувшаяся от окна, жадный отблеск темных горячих глаз. Давид.

– И че это такое, бляха муха, происходит, а, Татьяна Викторовна?

Голос Давида, обычно низкий и гулкий, сейчас звучит тихо и страшно, заставляя и так громко стучащее сердце заходиться в оглушительно частом биении.

– Ага… – Глеб тоже шепчет, хрипло, интимно, ладонь его на талии сжимается сильнее, рывком притягивая меня к паху. И да, там уже тоже все очень жестко. – Юбки одеваем обтягивающие, с разрезами, бл… Каблуки… Прически делаем… А мы с Давой с утра все думаем, для кого же нарядилась Татьяна Викторовна, а? А теперь понятно, для кого… Конечно, проректор – фигура нажористая…

– И давно? – Давид подходит еще ближе, полностью заслонив собой неверный свет фонарей из окна.

Я мычу, мотаю головой, как бы намекая на то, что мне и слово можно дать, раз уж спрашивают, но жесткие пальцы словно железные, а шея получает предупреждающий остро-возбуждающий укус.

Тело тут же простреливает удовольствием прямо от места, куда впиваются зубы Глеба, до кончиков пальцев на ногах, и я не могу сдержать крупную дрожь. Ее, конечно же, сразу замечают.

Я стону сквозь сковывающие мой рот пальцы от еще одного укуса, теперь уже в плечо, все это время не отводя ошалелого взгляда от бешеных глаз Давида, что подходит совсем близко и устраивает тяжеленные ладони на мою грудь.

– Красивая блузка… – шепчет он, глядя, впрочем, не на грудь, а в лицо мне, гипнотизируя.

Пальцы его жестко и умело массируют мягкую плоть прямо через ткань рубашки и кружево бюстгальтера. От этих движений голова кружится и путаются мысли, а то, что Глеб покрывает мягкими укусами мою шею и плечи, продолжая ритмично вдавливать в себя, потираясь своей твердостью о дрожащие от напряжения бедра, только добавляет градуса происходящему безумию.

– Жаль будет рвать… – Я опять отчаянно мычу сквозь ладонь Глеба, в ужасе от мысли, что мне придется идти на занятия в рваной блузке, или отменять их уже, к чертовой матери, когда Давид, оставив мою грудь в покое, обеими ладонями одновременно двигает вверх, проводит по шее, выше, и, зафиксировав подбородок, чтоб не отвела глаз, жестко прихватывает за волосы, уложенные в аккуратную шишку на затылке, тянет вниз, тем самым открывая губам Глеба дополнительный плацдарм.

Глеб к тому времени уже освободил мой рот, но сказать я ничего не успеваю.

Давид наклоняется и накрывает мои губы поцелуем, глубоким и долгим, после которого дыхание восстанавливается далеко не сразу, а ноги окончательно

перестают держать. Впрочем, это вряд ли кто-то замечает. Упасть мне все равно не дают.

В голове плывет так, будто начались провалы в какое-то другое измерение, где время растягивается до бесконечности, а мозг этого не фиксирует.

Потому что я не понимаю, куда пропало то время, когда меня раздевали.

Раз – и я уже без блузки, и лифчик болтается на талии, а Давид легко подхватывает под бедра, которые (сюрприз!) уже не скованы узкой юбкой, потому что она тоже на талии.

– Чулки? – голос Давы похож на рычание медведя, – сука, точно не просто так!

Я цепляюсь за широченные плечи Давида, пытаясь найти хоть какую-то опору, а Глеб, прижимаясь ко мне со спины еще теснее и проводя грубыми ладонями по широко раскинутым бедрам, обнимающим талию его приятеля, и нащупывая широкую резинку чулков, шепчет по-змеиному страшно:

– Ты ответишь за это, Татьяна Викторовна…

Жестко впивается в мой рот твердыми губами, ловя невольный крик от резкого проникновения, и я, зажатая между их горячими телами, одновременно плачущая от боли и звенящая от возбуждения, понимаю, что да, отвечу. И еще не раз отвечу.

Я дурею от глубоких размашистых толчков, хриплого рычания одного и накладывающегося на него многообещающего шепота другого, забываясь в бешеном удовольствии буквально через две минуты и утаскивая за собой стискивающего бедра до синяков в момент оргазма Давида.

Оргазма, которым мне не дают в полной мере насладиться, потому что Глеб дергает к себе, даже не разворачивая, просто одним слитным движением ставя так, как ему надо, и врываясь в глубь моего все еще дрожащего от отголосков невозможного удовольствия тела, и привычно держа меня за горло, чтоб контролировать каждый вдох.

Давид, пытаясь отдышаться, все так же прижимается, не убирая руки с талии, придерживая и даже слегка насаживая на Глеба, не отпускает мой плывущий взгляд, жадно ловя в нем зарождение нового взрыва, и, когда я, изнемогая от невозможности больше сдерживаться, изгибаюсь так, что еще немного, и в талии переломилась бы, он смотрит на Глеба, и тот, повинуясь сигналу, резко поднимает меня к себе, все так же сдавливая горло, отчего голова совсем отключается, и на глаза падает красно-дымчатое марево. Я раскрываю губы в крике, который тут же выпивает приникший ко мне Давид, не выпуская до тех пор, пока не утихают наши последние слитные, на троих, волны удовольствия.

Потом я еще стою какое-то время, зажатая между ними, понимая, что, стоит ступить на пол, и упаду сразу же, а мужчины лениво и удовлетворенно ласкают шею, плечи, грудь губами, облизывают мокрые щеки и виски.

Я все еще в трансе от произошедшего, но парни приходят в себя быстрее, в четыре руки споро вытирая влажными салфетками следы своих бесчинств, натягивая обратно на бедра юбку, застегивая лифчик и чудом сохранившую все пуговицы блузку.

К этому времени я прихожу в себя настолько, чтоб, нахмурившись, вывернуться из их лап и дрожащими пальцами попытаться вернуть развороченной прическе строгость и аккуратность.

– Ну прости, Татьян Викторовна, – немного смущенно басит Давид, как всегда, мягкий и добродушный после секса, утративший весь свой бешеный напор. Теперь его можно ложкой на масло мазать, такой податливый. Медведище. – Просто, как с утра тебя увидели, в этой юбке, так весь день насмарку, блин.

– Ага, – вздыхает Глеб, без боязни лапая меня к себе и шумно дыша в шею. Он тоже утихомирен, хотя таких разительных перемен, как с его приятелем, не

происходит. Всегда на взводе, как жесткая пружина. И не дай бог, в вашу сторону развернет ее. – Ну ты сама хороша. Да еще и с этим придурком обжималась, прям еле выдержали.

– Да, кстати, а какого хера? – Давид, вспомнив о сцене, которую они, заразы, оказывается, подсмотрели, поднимает голову, за мгновение превращаясь из ручного мишки в неуправляемое животное.

– Отстаньте, – отхожу на безопасное расстояние, бурчу невнятно, потому что рот занят шпильками, мысли еще основательно не в голове, а мне работать, и вообще… – По рабочим вопросам общались, вас не касается…

– Ошибаешься, Татьян Викторовна, – Глеб делает шаг ко мне, но я начеку, и отпрыгиваю к двери, – он тебя за руки хватал, мы видели. И смотрел.

– Да на меня много кто смотрит, – я немного прихожу в себя, уложив волосы и приведя одежду в надлежащий вид, и перехожу в наступление, – и что теперь? Вы что устроили сейчас? У меня еще пары!

– Да мы в курсе, – усмехается Давид, остывая, застегивая рубашку на широченной груди.

Я на какое-то время подвисаю, разглядывая, как медленно он это делает… Стриптиз наоборот. Почему-то возбуждает еще больше.

Но затем прихожу в себя.

Соберись, тряпка! Ты – преподаватель! Филолог!

Мерзкий внутренний голос не вовремя просыпается, чтоб язвительно хихикнуть, но я его мысленно затыкаю кулаком. Нет уж. Надо настроиться.

– Потом поговорим, выходите первые, – командую я, получая хотя бы небольшое моральное удовлетворение после произошедшего. И они выходят.

Правда, перед этим не забыв по-очереди поцеловать меня так жарко, что ноги опять дрожат и норовят подогнуться.

Но я не подаю вида, только незаметно морщусь, когда слышу их удаляющийся в темноте коридора разговор:

– Бляха муха, ну теперь хоть сидеть можно будет две пары, а то вообще хреново было… – Это Глеб.

– А этого козла еще разъясним, – это Давид.

Я обессиленно прижимаюсь к стене лаборантской, давая себе минуту слабости. Больше нельзя. Надо собраться, привести мысли в порядок и идти работать.

Я преподаватель, у меня отличное место работы и карьера в перспективе.

Я молода, красива, активна.

Голоса моих любовников удаляются все дальше, и я знаю, куда они идут. На занятия по русской литературе, которые веду у них я.

И как я так попала?

Глава 2

Сейчас я часто думаю, когда все началось?

В какой момент моя распланированная, налаженная жизнь полетела в тартарары?

И прихожу к выводу, что, наверно, сразу же.

С первого дня, когда я пришла работать в этот университет.

Первое сентября в университете, по сути своей, мало чем отличалось от первого сентября в школе. Даже линейка была и торжественные поздравления ректора и проректоров.

Я немного потерялась в толпе студентов и опоздала.

На нервах не сразу нашла Юрку.

Юрий Станиславович, Юра, мой бывший однокурсник, а нынешний коллега, и, как некоторые считали, практически жених, встретил, как и обещал, на крыльце, протащил в коридор и на второй этаж, к кафедре филологии.

– Тань, ты, главное, не стесняйся, – жизнерадостно вещал он, поминутно с кем-то здороваясь, кому-то пожимая руки, улыбаясь, кивая, отвечая на приветствия, – все уже в курсе, кто ты, так что…

– Прекрасно просто… – Убито пробормотала я.

Все в курсе, значит. Теперь не избежать косых взглядов и поджатых губ, типа "паанаехали, панимаешь"…

Юра толкнул дверь кафедры, шум голосов мгновенно смолк, на меня уставились несколько пар глаз. Я выпрямила спину, хотя колени предательски дрогнули. Ну ничего, юбка длинная, незаметно. Я надеюсь.

– Коллеги, это Татьяна Викторовна! Новый преподаватель русской литературы.

Мне улыбнулись, и даже, отчасти, приветливо. Я подавила тяжкий вдох. Да, это будет непросто.

Стол мне выделили рядом с дверью(само собой), но я и этому была рада. Поставила сумку, посмотрела на часы.

Отличие первого сентября в университете от школы еще в том, что занятия начинаются сразу же. Без всяких там классных часов, походов в ближайший парк, кафе и другие места, куда так любят ходить школьники. И мои пары начинались через пятнадцать минут.

– Тань, у тебя какие группы, дай гляну, – засунул нос в мой органайзер Юрка, – оооо! Физкультурников сунули-таки тебе! Черт…

– А что такое? – я не понимала, почему он расстроился.

Я вот, наоборот, порадовалась, что последние курсы физотделения мне отдали. Посмотрела их программу, поняла, что от школьной она мало чем отличалась, а значит, готовиться будет легко. Это не их специализация, пары добавили просто в связи с тем, что университетское образование, и необходимо определенное количество часов. К тому же старшекурсников мне элегантно разбавили первокурсниками, тоже, кстати, физкультурного отделения, так что жаловаться было глупо.

Мне вообще радоваться надо было, что сумела попасть сюда сразу после окончания университета у себя в городе. Меня, как отличницу и краснодипломницу, оставляли и там на кафедре, предлагали аспирантуру, но Юрка был настойчив и убедителен. А его родители до такой степени ошалели от счастья при виде меня, что без вопросов тряхнули своими связями и устроили в этот очень даже неплохой столичный университет.

Да я особо и не сопротивлялась.

Зачем?

Прекрасная возможность, упускать ее было глупо.

Строить из себя гордячку из разряда "я всего добьюсь сама, не нужен мне ваш блат" – это явно не про меня.

Я всю жизнь сознательную рвалась из той задницы мира, где угораздило родиться, стремилась чего-то достичь, понимая, что, кроме своей головы, других способов добиться хоть чего-то у меня нет и не будет.

Это Юрке повезло: папа – какой-то серьезный чин в военном министерстве, я даже не в курсе была, кто именно, вся родня с обеих сторон – столичная потомственная интеллигенция с соответствующим отношением к жизни и запросами. Единственному сыну, внуку, племяннику ни в чем никогда не было отказа.

Честно говоря, когда в прошлом году Юрка привез меня знакомиться с родителями, я волновалась. И прямо говорила ему, что, если будет хоть одно слово, хоть один косой взгляд…

Но родители, дяди, дедушки, бабушки и даже прабабушка обрадовались моему появлению, как чему-то невероятному, и все оставшееся от каникул время разве что в попу не целовали, носились, как с писаной торбой, не зная, куда посадить, чем накормить, как развлечь, и без конца шпыняя смеющегося Юрку на тему, что девочка скучает, что девочку надо радовать, и на тебе, внучек, карточку,

съездите в магазин, порадуй девочку…

Еле отбилась, честное слово!

В принципе, тогда все прошло хорошо.

Юрка был доволен, я радовалась, что он доволен, семья была в восторге. Короче говоря, каждый получил то, что хотел.

Я – поездку в столицу и развлечения, родня Юрки – надежду на скорую свадьбу и внуков.

А Юрка – классное прикрытие на ближайшие несколько лет и возможность развлекаться так, как он привык и любит.

С парнями.

Потому что Юрка, к огромному горю его многочисленных родственников, был стопроцентным, абсолютно неизлечимым геем.

Он потому и возник в нашей группе на третьем курсе филологического среди учебного года, что неаккуратно развлекся в столице, попал под прицелы камер, и его папа-чиновник принял меры.

У него как раз были какие-то то ли выборы, то ли кадровые перемещения, и небольшой скандальчик с участием сына-гея пришелся вообще не в тему.

Юрку спешно отправили доучиваться к нам, в областной город-миллионник, по мнению самого Юрки, невозможную, жуткую провинцию, папа утрясал свои дела, родственники коллективно заламывали руки.

А я как-то легко, буквально с первого взгляда, подуржилась с веселым, активным, улыбчивым парнем, несмотря на то, что всегда была заучкой.

Вот бывает же любовь с первого взгляда? Наверно.

У меня с Юркой была дружба с первого взгляда.

Примерно через неделю он поведал мне о своей беде. Ну это так, сыграл на опережение, чтоб не рассчитывала ни на что.

А я и не рассчитывала. Вообще, мне не до отношений было.

Слишком тяжело давалась учеба.

Да и две подработки, чтоб хоть как-то держаться на плаву и оплачивать бюджетный факультет, не способствовали активной личной жизни.

Юрка ввинтился в мою налаженную, жесткую жизнь светлым лучиком и добавил в нее красок.

Я, никогда ничего не получавшая за просто так и ко всему относящаяся с предубеждением, почему-то поверила Юрке, настолько он легко и ненапряжно умел внести позитив в любую ситуацию.

Оказывается, у нас в городе были гей-клубы, где очень даже весело и приятно проводить время!

Я вот, всю жизнь проживя здесь, об этом не знала.

А Юрка разведал сразу.

И влился в ночную жизнь с легкостью.

И меня затащил.

Правда, это не отменяло моей напряженной учебы и работы, но жить определенно стало веселее.

Примерно через полгода Юрка предложил мне выйти за него замуж. Я отказала. Как бы я ни относилась к нему, но служить прикрытием обмана не собиралась.

Юрка понял. И не настаивал. Но, хитрый гад, начал звонить родителям по видеосвязи, когда я была у него дома, включая меня в разговор и называя своей подругой.

И здесь-то я ничего не могла возразить!

И правда подруга же!

Я разбиралась с ним, скандалила, не разговаривала по неделям. Но Юрка умел влезть без мыла в зад.

Во всех смыслах этого слова.

В итоге его родня считала меня без пяти минут его невестой, а у меня не было сил разубеждать.

Слишком уж счастливыми они выглядели.

Я постоянно выговаривала Юрке, злилась, расстраивалась. Он жмурился, делал круглые котячьи глазки, разводил руками.

И в итоге я смирилась.

В конце концов, я никому ничего не говорила, ничего не утверждала, ничего не обещала. Пусть Юрка сам разбирается со своей родней.

Стоило мне пустить ситуацию на самотек, как все начало налаживаться!

В нашем университете освободилось место на кафедре, и мне предложили работу до конца учебы, я уверенно шла на красный диплом, зарплата неожиданно позволила отказаться от одной из подработок и оставить только фриланс.

Появилось свободное время, которое с радостью занял Юрка. А мне неожиданно понравился тот нелепый статус, что он навязывал мне.

Теперь я была не скучная заучка, а пристроенная интересная девушка, с перспективами. Странное ощущение иррациональной стабильности, защищенности. Но приятное.

Конечно, это все совершенно нечестно по отношению к его родным, и, особенно, к милейшей, интеллигентнейшей прабабушке, с которой я с удовольствием частенько общалась по скайпу, но мне удалось свалить все муки совести на Юркину шею.

Его родственники, его ответственность.

Грыз меня небольшой червячок, что этот котяра не просто так со мной дружит, продуманный гад, но все это терялось за удовольствием от нашего общения, его реально бескорыстной и душевной натурой.

Да и мне немало бонусов от нашей дружбы перепало.

Да, меркантильная дрянь.

Но с другой стороны, я с детдома привыкла цепляться за любую возможность.

И быть благодарной.

"Дают – бери, бьют – беги".

Вот так вот.

Юрка так и не смог объяснить внятно, по какой причине физкультурники – это плохо, мялся, мычал, отводил взгляд. А мне, на нервах, было не до его бессловесной коммуникации. Тут бы в себя прийти и заикание не поймать на истерике.

В родном универе я, конечно, проводила пары, и у старшекурсников тоже, но там-то все родное, свое, и стены помогают. А тут…

Потом нас отвлекли коллеги, незаметно включившие в обсуждение каких-то нововведений ректора. Я, как новенькая и не присутствовавшая на первом педсовете, никакого мнения по этому поводу не имела, в отличие от Юрки, который жарко влился в беседу. Мне оставалось только показывать свою включенность, кивая в нужных местах и осуждающе поджимая губы, там, где это было уместно. За свою сошла, по крайней мере, на первый раз. Спасибо Юрке.

Аудитория, где были мои пары, находилась на том же этаже, поэтому от настойчивого Юркиного сопровождения я отказалась. Хватит, в конце концов, нельзя же все время за ним, как цыпленок за курицей, ходить.

Звонок прозвенел, я стояла возле аудитории, вслушиваясь в довольно сдержанный гул, и нервно сжимала в руках папку с лекциями. Надо заходить, надо решаться. Так, вдох-выдох. Успокоилась.

– Ты чего застряла? – тихий веселый голос за спиной заставил вздрогнуть и растерять с таким трудом найденное равновесие, – новенькая что ли? Боишься?

Я повернулась на собеседника.

Парень, значительно выше меня ростом, что и неудивительно при моих ста шестидесяти. Крепкий, жилистый, симпатичный. С наглыми веселыми глазами. Он неторопливо рассматривал меня, останавливаясь на особо интересных для него лично местах, улыбался уверенно и широко.

Я, немного оторопев от наглости, даже не смогла сразу сообразить, что ответить, так и стояла с приоткрытым ртом, сжав до побелевших пальцев папку.

– Давай заходи, рядом со мною сядешь. Или на колени, если места не будет, – он подмигнул, прихватил меня за локоть и втянул в аудиторию.

Я не успела ничего ответить, только притормозила на пороге, выворачивая локоть из неожиданно цепких пальцев.

Парень, нисколько не смутившись, наклонился ко мне, шумно втянул воздух возле виска, выдохнул:

– Вкусная.

Я отшатнулась, почувствовав, как кожа покрывается мурашками от его теплого выдоха.

– Пошли, – кивнул он и пошел первым к своему месту между рядами, не сомневаясь, что я покорно буду следовать за ним.

По пути он бесконечно здоровался, смеялся, отшучивался. Вообще чувствовалось, что парень – явно душа компании, весельчак.

– Глеб, а где Давик? – спросила какая-то девушка.

– Завтра приедет, у родни задержался, так что жди, Катюш.

Я, неловко поправив прическу, прошла в месту на возвышении, повозилась с интерактивной доской.

Шум за спиной постепенно стихал.

Я, выдохнув и приведя нервы в относительный порядок, развернулась к аудитории, и, найдя взглядом одни единственные серые, немного

расширившиеся в удивлении глаза, четко произнесла:

– Добрый день. Меня зовут Татьяна Викторовна. Я – ваш преподаватель.

И испытала чувство ни с чем не сравнимого морального удовлетворения, наблюдая за выражением лица нахала.

Глава 3

– Понимаешь, Танюш, – просвещал меня Юрка, энергично горяя вилкой по тарелке оливку, – физкультурники, они вообще народ особый…

Да уж, это я как раз поняла.

– И на последнем курсе особенно. – Юрка поймал оливку, прикусил, – у каждого практически есть уже не только разряд по тому или иному виду спорта, но и достижения. Их же не просто так сюда берут. Они с первого курса ездят на соревнования от университета, зарабатывают медали. Реклама… А на последнем курсе многие уже пристроены. Мало кто остается на тренерскую, сама понимаешь, деньги не те. А они уже попробовали денег. И призовых, и рекламных. А если уж спонсоров нашли… Ну, это звезды, те, кто потом на соревнования от страны будет ездить. А остальные… Девчонки, кто в художественной гимнастике или танцах, к этому времени уже завершают карьеру и устраиваются по специальности. Возможностей-то полно. Мальчишки в основном все при бизнесе. Либо в охране, либо в спорте. У них срок жизни спортивной подольше… Так что им диплом нужен исключительно для того, чтоб был. Это все понимают, и особо их не трогают. Ну не в головах у них сила, не в головах…

– Да, это я тоже поняла…

– Что ты поняла? Тебя обижали? – всполошился Юрка.

Е-мое! Я, что, вслух сказала? Надо срочно исправлять, а то Юрка сейчас кинется искать виноватых… А обо мне и так слава не особо хорошая, не хватало еще с первого дня скандал…

– Нет, все нормально… Не переживай.

– Тань, – он поймал мою руку, посмотрел пристально в глаза, – если тебя обидят, или даже просто посмотрят не так… Ты же знаешь, что я за тебя любого разорву.

– Да угомонись ты, зайчик с клыками, – я улыбнулась, провела ладонью по его растрепанной шевелюре.

Красивый, по-мальчишески бесшабашный… Прямо иногда даже жаль, что не по нашей стороне ходит. Наверняка мог бы какую-нибудь любительницу очаровательных хулиганов осчастливить.

– Сама разберусь. Не маленькая.

– Ты смотри, Тань, они наглые бывают, дурные. Физическое прет, ничего не поделаешь. Их потому и не брал никто, на кафедре прямо до матерного лая скандал был, кому физотделение отойдет. Там сложно вести, нервно. Я вот не присутствовал при распределении, а зря. Упустил момент. А они и подсуетились,

заразы. Правильно, чего новенькой скучать?

– Юрик! Ты, кажется, забыл, откуда я? – я улыбнулась, опять провела рукой по его волосам, вороша прическу, он мурлыкнул, подставляясь под ласку. Рассмешил.

Я откинулась на спинку стула, посмеиваясь, и потянула из трубочки молочный коктейль. Подняла глаза и наткнулась на уже знакомый прищур серых глаз. Только теперь они были не смеющиеся, а какие-то острые, злые.

Я огляделась, не понимая причин злости. Может, не на меня смотрит?

Но нет, студент, Глеб, насколько я запомнила, смотрел именно на меня. И на Юрика. Так внимательно, что даже не сразу среагировал на вопрос своей спутницы. Ей пришлось его за рукав подергать.

А я лишь удивилась. На что злился? На ту неловкую ситуацию с утра? Но это странно и глупо. Тогда на что? Уж неужели на то, что мы с Юриком смеемся и болтаем? Так мы тихо, никого не отвлекая…

Тут мне пришла в голову мысль, что парень мог решить, что мы флиртуем. Да, со стороны наше общение выглядело флиртом. Все мои поглаживания его волос, все его прикосновения к моим рукам. А еще он меня кормил! Со своей вилки! Для меня-то ничего необычного, учитывая, что нам и спать вместе пару раз приходилось, а уж из каких только я его ситуаций не вытаскивала, и в каком виде… Но это знаем мы с ним.

А вот со стороны…

И что?

Юрка всему университету растрындел, что я – его подруга. Весь преподавательский состав с его легкой руки в курсе, что я блатная, по линии министерства. Скорее всего, и до студентов информация долетела уже. Мне ли не знать, с какой скоростью распространяются сплетни в учебном заведении! Не

важно, будь то захудалая школа в поселке или довольно престижный вуз в столице. Все одно – большая деревня со своей Санта Барбарой.

Так что, ничего удивительного.

И нечего так смотреть, словно… Словно я что-то этому Глебу должна!

Я повернулась к Юрке, улыбнулась в ответ на какую-то его шутку, краем глаза опять уловив тяжелый жесткий взгляд.

Не особенно отдавая себе отчет, действуя исключительно на эмоциях, я придвинулась к Юрику и начала ему что-то тихо говорить на ухо. Со стороны выглядело очень интимно.

И очередное моральное удовлетворение от ставшего совсем злым неотступного взгляда не замедлило. Да, по-детски и глупо. Но почему нет?

На следующий день я, закончив пары, выходила из университета. Юрик умотал гораздо раньше, таинственно блестя глазами.

Никаких тайн, само собой, просто очередной роман – неделька. Это я так называла его увлечения, потому что длились они не больше недели.

Я посмотрела в телефон, понимая, что, еще немного – и попаду в час пик. А единственное, что мне не нравилось в столичном метро – это давка в час пик. Поэтому, следовало поспешить.

Со стороны стоянки раздался громкий взрыв смеха, я повернулась. И опять натолкнулась на знакомый серый взгляд. Ну надо же! Сегодня у меня не было пар в его группе, но все равно встретились.

Глеб стоял возле высокого массивного джипа, абсолютно черного, с какими-то хромированными деталями, очень брутально и дорого выглядящего, в компании нескольких парней и девушек из его группы.

Увидел меня и замер. А затем повернулся и что-то сказал в салон машины.

Водительская дверь открылась, и к Глебу подошел еще один парень. Выше его на полголовы и тяжелее килограммов на пятнадцать.

Очень большой, очень. Крупный, массивный, но двигающийся неожиданно легко для такой комплекции. Я бы не сказала, что у него сильно выделялись мускулы, как у любителей качалок. Нет, он смотрелся единой глыбой, ни углов, ни выдающихся частей. Как медведь, за кажущейся добродушностью прячущий звериное жестокое нутро и звериную же, дикую силу. Парень был явно южных кровей, темноволосый, небритый, улыбнулся белозубо Глебу и сразу стал смотреться гораздо моложе. Есть такая особенность у южных мужчин, с подросткового возраста они начинают выглядеть старше своих сверстников.

Глеб коротко что-то сказал ему, кивнул на меня, стоящую на крыльце с телефоном в руках. Я как раз думала, что, может, вызвать такси, или попробовать наземный общественный транспорт? Очень уж не хотелось спускаться в метро.

Парень обернулся на меня и замер, глядя так пристально, что я почувствовала себя неуютно. Поежилась, отчего-то напрягаясь и, решив рискнуть, направилась к станции метро, спиной ощущая неотступные взгляды.

Они гармонично смотрелись рядом, эти парни.

Глеб – сухая, жилистая сосна, которую не согнешь, не сломаешь, и его приятель – крепкий кряжистый дуб, еще молодой, но уже отвоевавший себе пространство своей необъятной кроной.

Внешне порывистый, но жесткий волк и внешне мягкий, но невозможно опасный в своей непредсказуемости медведь.

И моя идиотская филологическая привычка мыслить ассоциациями…

Парни как парни, ничего особенного. Мои студенты. С которыми мне еще год время от времени общаться.

– Татьяна Викторовна! – знакомый голос окликнул меня уже у перехода.

Я оглянулась. Ну вот он, знакомый джип и двое парней на переднем сиденье.

Глеб выскочил из машины и подошел ко мне.

– Здравствуйте! Вас подвезти, может?

Ой, а чего это мы на вы? А как же " садись ко мне на колени, вкусная"?

– Нет, спасибо, я на метро.

Вот уж чего я точно делать не буду, так это в машину садиться. Особенно, когда ее водитель того и гляди на мне дырку проглядит своими жгучими южными глазами.

– Да ладно вам, час пик же. А нам все равно делать нечего, – продолжал уговаривать Глеб, и руки его несколько раз отчетливо дернулись в мою сторону, словно хотел, как в первый раз, за локоть прихватить и сломить сопротивление. Силой.

Я, поборов инстинктивное желание встать подальше, а то и вообще побежать прочь, стояла, спокойно глядя в серые серьезные глаза, и никуда не собиралась двигаться. Уж точно, не в их сторону.

– Спасибо, мне так привычней. А у вас, если мне не изменяет память, по крайней мере по моему предмету есть домашнее задание. Это к вопросу о том, что делать нечего. До свидания, Глеб.

Развернулась и пошла, стараясь не вилять бедрами. И ловя себя на неуместном желании поправить прическу и провести рукой по юбке, проверяя, на месте ли подол, не перекрутилось ли чего. А все почему?

А все потому, что не надо так смотреть на свою учительницу.

Как не на учительницу.

Домой я добралась быстро, даже сама удивилась. И на ногу только один раз наступили.

Залезла в душ. Закрыла глаза, отчего-то вспоминая серый острый взгляд и жгучий черный. Рука сама, помимо воли, потянулась вниз, но я вовремя пресекла непотребство.

Это еще что такое?

Что это еще за мысли? Воспоминания?

Хочешь расслабиться, вспоминай своего первого парня! А нет, такое лучше не вспоминать… Ну тогда, не знаю, Джая Кортни, что ли… В образе Бумеранга…

Но уж точно не своих студентов! Это противоречит не только профессиональной этике, но и здравому смыслу!

Конечно, приятно, когда молодые парни так смотрят. Раньше на меня особо никто не смотрел. Не сказать, что я несимпатичная, но заучек не любят.

Это Юрка почему-то на меня внимание обратил. А так-то в основном все обращают внимание на говорливых, активных, смешливых. Ну, или просто красоток. А это не про меня.

Так что с точки зрения психологии все со мной понятно. А вот здравый смысл и инстинкт самосохранения страдают. И сильно.

Но я, конечно же, не собиралась никак реагировать на ситуацию, кроме как сугубо профессионально, разумеется.

Исключительно профессионально.

Глава 4

Я задержалась на кафедре, накидывая конспекты лекций на следующую неделю.

На улице вовсю гулял сентябрь, готовясь к бабьему лету, настроение было совсем нерабочее. Да и сложно поймать настрой, прекрасно зная, что, по сути, твоя подготовка, поиск каких-то интересных фактов, фишек, чтоб зацепить студентов новой темой – это просто…

Да, это просто бисер перед свиньями.

После трех недель работы я начала понимать, почему физкультурников никто не хотел брать. Бисер перед свиньями – это для новичков или равнодушных. А на кафедре, как я успела понять, были в основном люди, увлеченные своей работой, двое из преподавателей, серьезная и строгая Виолетта Федоровна и веселая пышка Антонина Васильевна, даже выходили со своими программами на город и страну. Правда, титулов не завоевали, но и то, что участвовали – огромная честь.

Сам университет был по большей своей части гуманитарной направленности. Филологи, журналисты, историки, географы, ну и, конечно, экономисты и менеджеры разных мастей, куда ж без них?

Физкультурники появились в здании недавно. Буквально пять лет назад. Но успели потеснить гуманитариев, и значительно.

Руководство университета очень быстро смекнуло, насколько полезны для имиджа и повышения платежеспособности могут быть спортсмены, и теперь активно набирало все новые и новые группы. Правда, на выходе ничего, кроме различных видов тренеров, учителей физкультуры и тому подобное, предложить не могло, но даже этого хватало.

Юрка был прав: мало кто из выпускников шел на тренерскую или в школу. В основном, всем нужны были корочки о высшем образовании, а не знания. Само собой, что, если физиологию, анатомию, и тому подобные профильные предметы приходилось учить, то с гуманитарными никто не считался, полагая их еще одной досадной нагрузкой к диплому.

Мне очень повезло, короче говоря.

На лекциях студенты спали, играли в игры, развлекались с телефонами, не особо вслушиваясь в мой лепет.

Я расстраивалась.

Коллеги, кстати довольно быстро проникшиеся ко мне и переставшие косить настороженными взглядами, дружелюбно советовали не обращать внимания, просто оттарабанивать материал и уходить, но я так не хотела. Свой предмет я любила, на курсе всегда была самой первой, той, у кого всегда списывали, той, кого перед экзаменами окружала толпа желающих получить краткий пересказ невыученного билета.

Я обожала Чехова, Бунина и Булгакова, плакала над лирикой Маяковского и Северянина, могла часами рассуждать о Достоевском. Мне ужасно хотелось поделиться своими эмоциями со студентами, в мечтах я видела их горящие глаза, активно обсуждала спорные моменты в классике, заставляя задуматься над вечными темами, что поднимает русская литература.

Несмотря на всю свою практичность, амбициозность и бытовой цинизм, я обожала выбранную профессию и мечтала получить признание именно в ней.

И казалось, что для начала надо набраться опыта в несложной аудитории, потому что к филологам я, честно говоря, заходить опасалась. Они представлялись мне придирчивыми, очень умными, думалось, что непременно начнуть испытывать на прочность мои знания, ставить под сомнение мою компетентность. И уроки превратятся в борьбу, испытание. Столица же. Да и я – блатная. И вид не особо серьезный. Почему-то я решила, что с неискушенной аудиторией мне будет легче. По крайней мере, на первых порах. А потом освоюсь, осмотрюсь, наберусь опыта, и тогда уж…

Но реальность оказалась ужасной.

Хотя, нет. Не ужасной.

Серой, вымораживающе равнодушной и грубой.

Лучше бы я каждый день боролась с филологами, чем билась об асфальт с физкультурниками.

Первый курс физкультурного отделения заполняли вчерашние школьники, буйные и дикие, в основном парни, которые искренне недоумевали, зачем опять изучать те книги, что они должны были читать, но, конечно же, не читали в школе.

Я очень сильно переоценила свой преподавательский талант, рассчитывая на то, что меня полюбят и будут слушать.

Вполне возможно, что меня полюбили, но не так, как мне бы хотелось.

Меня, конечно, не обижали.

Кое-кто даже посматривал влюбленно.

Но и не слушали. Совсем.

Мой тихий голосок мало кого впечатлял, кричать я не умела и не любила, да и смысла не было. Короче говоря, лекции проходили в невозможном шуме, а пару раз даже драки призодилось разнимать.

Юрка утешал, убеждал, что никому нет никакого дела до того, насколько будут успевать мои студенты, потому что предмет не профильный, и для галочки, потому что высшее образование, и вообще, не стоит обращать внимания, и пошли лучше в клуб сегодня, развлечешься…

Но я не утешалась.

Придумывала каждый раз что-то новое, чтоб заинтересовать, заставить задуматься, затронуть хоть какие-то струны души… Но, похоже, душа у моих студентов-первокурсников была не там, где я рассчитывала.

Еще хуже дело обстояло с последним курсом. В первую очередь потому, что там, в отличие от малолеток, были люди сплошь серьезные и деловые.

Моих пар в первом семестре им наставили от души, потому что, как оказалось, в прошлые годы чего-то просмотрели и недодали. Не хватало часов для диплома.

И теперь я с ними виделась три раза в неделю по паре.

В деканате остроумно ставили мой предмет по вечерам, после основных тренировок, и на занятия ко мне студенты приходили распаренные, мокрые после душа и абсолютно не способные воспринимать материал.

Аудитория моментально наполнялась разнообразными запахами, которые только может издавать здоровое, молодое, изрядно физически потрудившееся тело.

Короче говоря, я обычно стояла у кафедры с наветренной стороны и окошко открывала.

Но бог с ними, с запахами!

Больше всего раздражали взгляды!

В этой группе мальчишек опять-таки было больше, чем девчонок, в основном, крепкие, здоровенные парни. И смотрели они на меня, скажем так, очень неоднозначно.

Вернее, абсолютно однозначно.

Раздевали глазами, проще говоря.

Здесь занятия проходили в абсолютной тишине.

Так, иногда всхрапнет кто-то на задней парте.

Но я не будила, разницы между студентом спящим и студентом бодрствующим лично для меня не было.

Спящий даже лучше, хоть не пялится, прикидывая, какого цвета мои трусики.

Особенно тяжело приходилось, когда на занятиях оказывались эти двое парней, что приглашали меня подвезти в первые мои рабочие дни.

Глеб Шатров и Давид Дзагоев.

Я уже кое-что знала про них, Юрка – всезнайка рассказал.

Я не ошиблась в определении возраста, они и в самом деле были старше остальных студентов из потока.

Даже старше меня.

Оказывается, они оба отслужили в армии срочную, остались на контракт еще на два года, а затем поступили сюда.

Взяли их, надо сказать, с огромным удовольствием, потому что Шатров – мастер спорта по дзюдо, чемпион, еще со школы занимающий первые места на различных региональных соревнованиях, а Дзагоев – тоже мастер спорта, только по вольной борьбе. И тоже какой-то там чемпион.

Парни, поступив, сразу стали ездить на соревнования от института, что-то там завоевывали, и их здесь за это радостно целовали в попу.

К тому же Шатров был коренным москвичом с кучей родственников и самыми разными связями, а Дзагоев – тоже непростой парень, с небедными родителями, обеспечивающими ему хорошую такую подушку безопасности в столице.

Так, по крайней мере, говорили.

Я только головой покачала.

Да уж, мажор на мажоре.

Конечно, зачем им меня слушать?

Какой им Достоевский с Буниным?

Они еще в первую нашу встречу меня раздели, разложили, поимели всеми способами и обратно одели.

Я для них кукла говорящая.

Игрушка.

После полученной информации, в которой, кстати, кое-что настораживало, но я не могла пока понять, что, отношение мое к развеселой парочке только ухудшилось.

А, учитывая, что и в целом ситуация была не особо хорошая, думаю, вполне понятно, что лекции в физкультурном отделении превратились в испытание.

Я даже малодушно подумывала плюнуть на все и вернуться обратно, в свой родной институт, в родное теплое болото, где все жабы и мухи знакомы, но пока что перебарывала себя. Уговаривала.

Это мой шанс. Я не должна его упустить. А испытание… Ну что ж, это только закалит характер.

Хотя, куда уж больше.

Я отвлеклась от конспекта занятий, посмотрела в окно на разгулявшуюся осень, но мысленно опять улетела на час назад, на последнюю вечернюю пару у выпускников физотделения.

Поежилась. Все же, несмотря на мое отношение, царапали меня эти взгляды.

Особенно ИХ взгляды.

Они были совершенно разные.

Наглый, хитрый, все понимающий и ПРИГЛАШАЮЩИЙ взгляд Глеба. Он любил ошеломлять внезапностью. Вроде сидит, глазеет в окно, а затем – РАЗ – и уже серые пронзительные глаза встречаются с моими, вспыхивают, прищуриваются, чуть ли не подмигивают, с полным осознанием своей силы, власти, намерения. Уверенности. В том, что, стоит ему лишь захотеть, и я побегу за ним, роняя туфли и размахивая трусами, как белым флагом.

Эта уверенность бесила. Раздражала ужасно. Так и хотелось остановить лекцию и крикнуть ему: "Да что ты о себе думаешь?"

Ну и остальные слова, не относящиеся к великому русскому.

Хуже его взгляда был только обволакивающий, гипнотизирующий, черный до ужаса взгляд его друга, Давида.

В отличие от Глеба, тот не прятался за мнимыми посторонними раздражителями, приходил на занятие, садился на заднюю парту и смотрел в упор. И всю лекцию его черный дикий взгляд мучил меня, заставлял покрываться испариной и нервной дрожью.

Здесь можно было бы предположить, что это я такая ненормальная, так реагирую, а парни, вполне вероятно, просто смотрят и ни о чем таком не думают…

Но, черт возьми, в группе было еще два полтора десятка парней, и их взгляды, порой жадные, пошлые, развязные, меня никак не задевали вообще.

Как я уже сказала, я научилась воспринимать их как необходимое зло, определенный этап взросления молодого человека.

Ну что поделать, если я по возрасту и по внешности больше похожа на их однокурсницу, чем на преподавателя?

Только если однокурсница села за парту, и не видно ее, то я – вот, прямо перед ними, все девяносто минут маячу, несу какой-то, с их точки зрения, заунывный бред.

Вот и разглядывают, пуговицы на блузке пересчитывают в сотый раз.

Это нормально.

Это естественно.

А взгляды Шатрова и Дзагоева – это уже за гранью. Это уже… Я не знаю, как секс виртуальный.

Или, может, я озабоченная. Парня давно не было.

Мои первые и последние отношения закончились еще на четвертом курсе института, да и сложно назвать отношениями полгода невнятных встречаний, неинтересных разговоров и унылой возни под одеялом.

Юрка все время подшучивал надо мной:

– Ты такая правильная, Танюш. Все у тебя, как надо, все по плану. И парень тоже по плану.

Я пожимала плечами, что в этом плохого?

Но через полгода Антон внезапно устроил мне истерику на пустом месте, смешав в кучу все на свете: мою холодность, дружбу с Юркой, про ориентацию которого он был не в курсе, и, оказывается, ревновал. А я и не заметила. Проанализировав его претензии, я поняла, что вообще мало что замечала вокруг.

И что Антон, в самом деле, просто парень по плану.

Ну вот надо, время пришло.

Я не особо видная, он спокойный и дружелюбный. Обратил на меня внимание, пригласил на свидание.

Почему бы и нет?

И так стало противно от этого осознания.

А я еще как раз "Белые ночи" Достоевского перечитывала, ну и наложилось одно на другое.

С Антоном я порвала, погрузилась еще больше в учебу и работу, даже Юрика нафиг послала.

Он, кстати, возбудился невозможно как.

Прыгал вокруг меня пару месяцев, пока я не пришла в себя и не решила, что хватит плыть по накатанной и реагировать на обстоятельства, вместо того, чтоб их менять.

Ну вот и поменяла. Молодец.

Отлично получилось.

Поняв, что поработать мне сегодня уже не светит, я засобиралась домой.

Возле раздевалок спортзала на первом этаже споткнулась и выронила сумку, ручки и карандаши раскатились по всему полу.

Одна упала аж к дверям, разделяющим предбанник спортзала и вестибюль.

Нагнулась поднять и услышала разговор на повышенных тонах. Двое парней о чем-то горячо спорили, ругались даже.

Помимо воли, прислушалась.

– Дав, ты, блин, или говори уже окончательно, или заткнись и не мешай мне.

– Я тебе уже все сказал.

О как! Да это же мои друзья из физкультурного отделения! Их голоса я узнаю из всех остальных легко.

Тихий, злой и агрессивный, такой же, как и его хозяин, с акцентированными окончаниями, словно, как в спорте, четко завершает движение. Добивает. Это Глеб Шатров.

Низкий, рычащий, с легким, едва уловимым акцентом, растягивающим гласные, и от этого кажущийся невозможно опасным, тягучий и тяжелый. Это Давид Дзагоев.

– Что ты мне сказал, чурка ты с глазами!

О Боже, да они же подерутся сейчас! Из-за чего? Что не поделили?

– Не груби.

По ощущениям, Давид сейчас просто протянет мощную лапу и ухватит напрыгивающего на него, как пес, Глеба за шею. И сдавит. Но это, конечно, если поймает верткого парня.

Я замерла, словно наяву увидев эту сцену, и не зная, что мне делать.

Может, на помощь позвать?

Вмешиваться глупо, разотрут, как пылинку, между собой.

И не заметят.

– Да я еще и не начинал! Ты чего хочешь, Дава? Чего?

– Того же, чего и ты. Сам знаешь.

Каждое слово, как камень. Тяжелое, увесистое. Наверно, руки показательно опустил. Чтоб безобидней казаться. Хотя, конечно, этот медведь не может выглядеть безобидно. Иллюзия все. Обман.

– Но я же первый ее увидел! Дав! Не по-братски, а?

– И что? Ты сделал хоть что-то?

– Но я же…

– Пока ты соберешься, она замуж выйдет и ребенка родит.

– Нихера!

– Ты мотаешься, как говно, играешь все. А время уходит. Я долго ждал.

– Дава! Не лезь, слышишь! Не лезь! Только попробуй!

– И что будет?

– Дав. Ты же брат мне. Ты мне жизнь спас. А я тебе. Помнишь?

Молчание.

Я неловко пошевелила затекшей от неудобного положения ногой. Надо бы уйти. Они явно делят женщину, выясняют отношения. Глупо будет, если меня застукают за подслушиванием.

Я тихонько подобрала ручку, поднялась.

Надо же, значит друзьям понравилась одна и та же девушка!

Кто же их так зацепил?

Интересно было бы поглядеть…

– Да, – наконец, веско уронил Давид, – мы – братья. Мы не будем ругаться из-за женщины. Но решать надо. И с этим ее мужиком мажористым тоже надо решать.

– Да, это точно… – тихо протянул Глеб, и голос его резанул, как нож по железу, опасно и остро, – как представлю, что он ее трахает… Так бы и затолкал ему очки эти его пидорские в жопу.

– Жаль, что он у нас не ведет ничего.

– Жаль.

Я замерла возле двери, застыла, осознавая. Отказываясь верить, принимать очевидное. Очки, преподаватель, жених.

Они что, МЕНЯ делят??? МЕНЯ???

– Слышь, Дав, а давай игру. Кто первым забьет, тот и забирает.

Молчание, сопение.

– До трех попаданий.

– Идет. Пошли.

Голоса удалялись по направлению к спортзалу, а я все еще стояла столбом, отказываясь верить в услышанное.

Только что, практически прямо на моих глазах, меня обсуждали и делили двое моих студентов. Причем, делили, как нечто неодушевленное.

Складывалось полное ощущение, что от моего желания здесь вообще ничего не зависело. Что не важны мои обстоятельства, наличие жениха, предполагаемая многими скорая свадьба (тьфу-тьфу, упаси Господи), или еще что-либо.

Словно я… Ну, не знаю… Кобыла племенная.

Спорили, выясняли, решали.

И в итоге просто подкинули монету.

Ну, или, как в их случае, разыграли партию в баскетбол.

Я повернулась и пошла на улицу, не желая досматривать отвратительную сцену до конца и дожидаться, кто же выиграет меня.

Цинизм происходящего зашкаливал.

Уж на что я спокойная и прагматичная, но эта ситуация…

Я на автомате вызвала такси, не имея сил ехать на метро, бухнулась на заднее сиденье, бездумно уставилась в окно.

Да, неприятно быть вещью. Пусть и достаточно ценной, но все же.

Захотелось почему-то заплакать. Мысленно набила себя по щекам за такую слабость.

Плакала я в последний раз в детском доме, в десять лет, глядя, как моя мать, навещавшая меня раз в год, на Восьмое марта почему-то, уходит под ручку со своим потасканным кавалером, которого она приводила знакомить со мной, изображая из себя любящую родительницу.

Я тогда смотрела ей вслед, слезы текли по щекам, но рыданий не было. В тот раз я отчетливо поняла ситуацию. Раз и навсегда. Проводила взглядом пошатывающуюся парочку, вытерла мокрые щеки и пошла читать Максима Горького, которого нам задали по литературе. И все.

И теперь, почувствовав давно уже забытое ощущение рези в глазах, я яростно проморгалась и выдохнула.

Нет уж.

Вообще, моя реакция непонятна.

Ну кто-то там что-то себе воображает.

Делят они меня.

Смешно!

Думают, я кукла с глазами?

Только помани – и побегу?

Ну что же, значит, будет им сюрприз.

Большой такой сюрприз.

Неприятный.

Глава 5

– Татьяна Викторовна!

Я обернулась на голос, положив уже собранные конспекты лекции обратно на стол. Глеб. Ну, что же. Понятно теперь, кто забил решающий мяч.

Я посмотрела на выходивших из аудитории студентов, встретилась взглядом с Давидом, задержавшимся в дверях.

Невольно вздрогнув от выражения острого сожаления в черных страшных глазах, отвернулась, собираясь с силами.

Поделили, значит, меня мальчики. Заигрались.

– Я слушаю вас, Шатров.

Я надеялась, что голос мой звучал достаточно отстраненно.

Глеб, незаметно поморщившись от того, что я назвала его по фамилии, как в школе, еще сильнее подчеркивая нашу с ним разницу в положении, шагнул ближе, вынуждая меня выпрямить спину, в надежде казаться выше и старше.

– Я хотел спросить… Знаете, я не понял… Вы сказали, что нам нужно найти лирику Маяковского и выбрать то стихотворение, которое понравится больше всего. А я вот вообще его не люблю, и стихи у него какие-то дурацкие. И вообще…

Говоря все это, он придвигался ближе и ближе, сокращая и так небольшое расстояние между нами, и я только усилием воли держалась, хотя очень хотелось отклониться, сохраняя дистанцию.

– Знаете, Шатров, это распространенное заблуждение. – Я все же не удержалась и отступила еще немного, упираясь в стол бедрами, потому что слишком, слишком близко!

Можно рассмотреть каждую родинку на гладкой коже, небольшой синяк на скуле (откуда, интересно), твердые, красивого рисунка губы, а, главное, ощутить запах. Какой-то горький парфюм, перемешанный с ароматом возбуждения, полностью выдающим его состояние. И в глаза смотреть не надо.

Вообще не надо! Нельзя смотреть в глаза! Опасно!

Я и не смотрела. Куда угодно, только не туда.

И губы пересыхали, и сердце стучало, и слова с трудом подбирались.

Эй, где там мой вечный цинизм и боевой настрой? Ау!

– Поэтому я и попросила самостоятельно найти и прочесть хотя бы несколько его стихотворений, не из школьной программы. А вас, Шатров, я тогда попрошу в индивидуальном порядке…

– Я готов, Татьяна Викторовна, особенно в индивидуальном порядке…

Господи, а голос – то какой! Профессиональный соблазнитель просто! Низкий, с мягкими интимными нотами… Да уж, девочки, наверно, голову теряют…

– Подготовить нам доклад о жизни автора. Биография, основные переломные моменты, этапы творчества…

Немного ошарашенная пауза была мне ответом.

Что, приятель, не ожидал? Думал, я тебе на шею кинусь от одного твоего тембра голоса и вкусного запаха?

Я злорадно усмехнулась про себя, торжествуя, и, видимо, потеряла контроль, потому что подняла взгляд и попала в прицел его глаз.

Судя по всему, момент неожиданности уже прошел, он встряхнулся, приходя в себя от пропущенного удара, и собрался, чтоб достойно ответить противнику.

Я замерла, не в силах оторвать взгляд от серых злых глаз с отчетливой нотой раздражения и похоти, машинально, исключительно на инстинктах, отклонилась.

– Слишком объемная задача, Татьяна Викторовна, – прошептал он, – только за поцелуй.

– Да что вы себе…

Дальше я ничего уже сказать не смогла, потому что Глеб взял плату вперед.

Не то, чтобы я соглашалась, просто не спрашивал никто.

Ничего себе, он торговец.

Просто рейдер какой-то!

Я уперлась ладонями в плечи, отталкивая, сомкнула губы, не пропуская настойчивый язык, замычала протестно.

И добилась только того, что меня полностью прижали к столу, обхватили крепкими руками, словно в капкан поймали, и еще насточиво куснули губу, заставляя открыть рот.

Я не ожидала нападения, в самом деле не ожидала, поэтому растерялась от напора.

Его запах, еще больше усилившийся, ударил в рецепторы, сразу засигналившие, что годный экземпляр, надо брать.

Проклятое тело, никак не реагируя на призывы мозга, поверило, послушно обмякло, позволяя делать с собой все, что хотел захватчик.

Глеб, ощутив мою внезапную податливость, усилил напор, исследуя мой рот, прикусывая губы и еще сильнее прижимая к себе. Чувствовалось, что он с трудом сдерживается, чтоб не посадить меня на стол и не задрать юбку,

окончательно теряя контроль и совесть.

Я, хоть и ошалела от неожиданности и внезапно нахлынувшего непонятного жара во всем теле, все же была человеком, а не животным, поэтому пришла в себя, насколько это было возможно в такой ситуации, и начала бешено отбиваться, царапая крепкую шею и колотя нахала по щекам и плечам.

Ничего не помогало!

Он как с ума сошел, целуя меня, стискивая уже до боли, до невозможности дышать и абсолютно, страшно до замирания, не обращая внимания на мое сопротивление! С тем же успехом я могла, например, лупить шкаф!

Я, поняв, что сама не справлюсь, а крикнуть он мне не даст, начала лихорадочно шарить по столу, подхватила тяжелую папку с конспектами и умудрилась ребром ударить его по голове.

Наверно, получилось болезненно, потому что он зашипел и отпрянул. Я, не теряя ни мгновения, размахнулась еще раз и с оттягом шваркнула по наглой физиономии, попав по губе.

Из ссадины тут же потекла кровь, а щека налилась уверенным малиновым цветом. Очень надеюсь, что останется синяк!

Мы, тяжело дыша, стояли друг напротив друга. Он, машинально прикрывая лицо, чуть пригнувшись и глядя на меня совершенно ошалелыми глазами, как дикий зверь, готовый в любой момент кинуться на добычу. Я, растрепанная, измятая, немного испуганная, с искусанными красными губами и приготовленной для то ли отражения очередной атаки, то ли нападения папкой.

Как бы там ни было дальше, я буду сопротивляться!

Тут он моргнул, в глазах появилось осознание ситуации, затем мелькнуло что-то вроде… Стыда? Да нет, показалось! Потому что в следующее мгновение вернулся привычный насмешливо-острый взгляд, он выпрямился, провел пальцами по губе, посмотрел на кровь, усмехнулся.

– Блин, лет пять уже удар не пропускал, а так, чтоб до крови… Уделала ты меня, Татьяна Викторовна…

– Не… Смейте… Больше… Никогда… Без… Разрешения…

Я выдыхала слова по-одному, восстанавливая дыхание, и только потом уже поняла, что сказала.

Без разрешения? Это как это я так?

– О как… – Глеб сделал маленький шажок ко мне, но замер, потому что я опять подняла свое оружие, примирительно поднял руки, – ну прости, Татьян Викторовна. Не сдержался. Очень уж ты… Вкусная.

– Уходите! Не желаю с вами разговаривать в таком ключе!

Я указала дрожащей рукой на дверь, сознавая, насколько смешно это выглядит. Этакая взъерошенная собачонка, тявкающая на большого грозного пса.

К моему удивлению и облегчению, Глеб послушно развернулся и пошел к двери.

Я напряженно ждала, когда он выйдет за порог, с трудом сдерживая дрожь в ногах и зная, что, стоит ему закрыть дверь, я сразу же упаду от перевозбуждения и страха.

Глеб взялся за ручку и внезапно развернулся ко мне, улыбаясь в своей привычной развязно-очаровательной манере:

– Слышь, Татьяна Викторовна, а если разрешишь?

– Никогда! – прохрипела я из последних сил, – убирайся!

Он покачал головой и вышел, аккуратно затворив дверь.

И в ту же секунду я покачнулась и упала на удачно нашаренный за спиной стул.

Руки и ноги тряслись, сердце вырывалось из груди, пугая неровным бешеным стуком, дыхание никак не хотело приходить в норму.

Я с недоумением посмотрела на все еще находящуюся в моих руках папку, уронила ее на пол. Вздрогнула от резкого стука, приходя в себя.

Провела пальцами по лицу, волосам, пытаясь на автомате привести себя в порядок. Губы обожгло болью.

Искусал, сволочь. Тело отозвалось тянущей болью. В тех местах, где держал, как железными прутами сжимал, и, неожиданно, в тех местах, куда, может, хотел, но не добрался.

И это был неприятный сюрприз. Как и, собственно, самовольное поведение моего тела, которому отчего-то понравилось то, что с ним сделали. Предательство какое!

Я рассмеялась. Ну надо же! Отделяю себя от своего организма! Вот так и наступает шизофрения…

Я смеялась и смеялась, пока смех не перешел в слезы, невозможно удивившие меня.

Я остановилась, с недоумением стерла со щек влагу, посмотрела на пальцы.

– Тань, ну сколько тебя ждать! – Юрка ввалился бесцеремонно, громко отчитывая меня за задержку.

Я перевела взгляд на него и опять засмеялась. Так и сидела, смеясь, а по щекам текли слезы.

Юрка, не на шутку перепугавшись, запрыгал вокруг меня, как кузнечик, попеременно предлагая то таблеточку, то водичку, то врача, то домой, то полежать, то подышать, то выпить.

Наконец, я угомонилась. И то только тогда, когда он просто уселся на стул и, усадив меня на колени, обнял и прижал к себе.

– Тань, ну что ты, – тихо шептал он, шевеля теплым дыханием пряди волос у виска, – ну что за истерика? Напугала меня… Давай, знаешь, хрен с ним, институтом… Посиди дома, на больничном. А хочешь, совсем уволься.

– Конечно… На что я жить буду… Квартиру снимать… – Всхлипывая, прогундосила я.

– Ко мне переезжай, давно уже говорю, поживешь, выдохнешь… А потом другую работу найдем…

Ну конечно… Сначала к нему переедь, а потом – раз! – и Таня замужем. И вся семья счастлива, все довольны, больше всех новоиспеченный муж… А потом, глядишь, еще и ребенка родить уговорит. Чтоб прабабушка дождалась праправнука…

Нет уж. Я сама как-нибудь. Да и ему надо бы уже во всем честно признаться, хватит родню за нос водить.

Но это так, во мне позднее воинственное зажигание проснулось. И направилось не на того, на кого следует.

Надо было с таким настроем наглеца этого длиннорукого лупить.

А то, что это такое – два раза папкой по дурной крепкой башке!

Я не стала признаваться Юрику в том, что произошло. А то с него станется пойти разбираться. Побьют еще. Нет, мой друг, конечно, сам не промах, а уж смелости на десятерых хватит, но лучше не провоцировать.

К тому же, не беспомощная я овечка.

Разберусь сама со всякими наглыми студентами, с крепкими руками и нахальными глазами.

Глава 6

Как я и предполагала, старшекурсники не сильно напрягались муками выбора.

Большая часть, особо не мудрствуя, указала одним из любимых стихотворений "Облако в штанах".

Дзагоев вообще отмолчался, из-за чего я с огромным удовольствием поставила ему неуд. Впечатления это никакого не произвело, как уставился на меня своими черными глазами, так и не отвел взгляда.

Бррр… Пугает…

Зато удивил Шатров, который вышел к кафедре и зачитал доклад по Маяковскому. Причем чувствовалось, что в самом деле готовился, искал материал, а не просто скачал статью в интернете.

Я удивилась, если честно. Ждала какого-то подвоха, разглядывала немного припухшую физиономию с подсохшей ссадиной на нижней губе.

Но нет. Глеб рассказывал практически по памяти, очень артистично, заражая всех своим энтузиазмом. Короче говоря, я прониклась. Да и остальные тоже.

Какое-то время после окончания доклада группа ошарашенно молчала, а затем робкий голос с задних рядов уточнил:

– Я не понял, так он что, в тюрьме сидел? В шестнадцать?

– Ты чем слушал? – Глеб повернулся, зорко выискивая спрашивающего, – я же сказал.

– Да, совершенно верно, – добавила я, немного досадуя, что из всего обширного материала студентов удивило и зацепило именно это, – причем, он не просто сидел в тюрьме, но и в шестнадцать лет был старостой камеры. То есть, заслужил уважение более опытных сокамерников, сидящих вместе с ним по различным "политическим" статьям. Это уже очень яркая характеристика личности поэта. Кстати, Глеб, а какое из его произведений вам понравилось больше всего?

Честно говоря, была у меня небольшая подленькая мыслишка, подловить его. Все же разозлил меня позавчерашним происшествием. И губы искусанные до сих пор побаливали. Поэтому не сдержалась, каюсь.

Думала, тоже "Облако в штанах" назовет.

Но Глеб меня опять удивил. Он повернулся ко мне и улыбнулся, словно понимая мои истинные мотивы.

– Мне больше всего понравилось "Лиличка!".

Я заинтересовалась:

– Поясните свой выбор.

Глеб помолчал, переглянулся с Дзагоевым, который по-прежнему не сводил с меня темных разбойных глаз, и сказал, спокойно и с расстановкой:

– Сложно сказать. Наверно, это просто настроение сейчас такое. Момент. Как-то совпало. Зацепило. Особенно строки про "надо мною, кроме твоего взгляда, не властно лезвие ни одного ножа"…

Все это он говорил, не отводя от меня глаз. Серьезных таких. Ни грамма смеха, даже в глубине зрачков. А процитировал вообще так, словно это не строки Маяковского, а…

Нет, не буду даже думать об этом.

Я закрыла невольно приоткрытый в удивлении рот, отвернулась, не выдерживая его взгляда.

– Спасибо, Глеб. Очень хорошая подготовка. Садитесь.

Он еще одну, очень долгую секунду смотрел на меня, а затем пошел к своему месту, по пути превращаясь обратно в привычно-развязного рубаху-парня. Дал пять кому-то, отшутился, посмеялся. Я же все это время сидела, делая вид, что занята подготовкой к дальнейшей лекции, и приводя мысли в порядок.

Как ни странно, оставшееся от занятия время прошло очень хорошо.

Студенты были не равнодушны, и, рассказывая об особенностях позднего периода лирики Маяковского и приводя примеры, я постоянно видела заинтересованные взгляды и искренность в лицах. Я невозможно воодушевилась, увлеклась, вспоминая какие-то вещи, в свое время зацепившие меня, заставившие пристальнее изучить эту тему, которые, наверно, детям на уроке не стоит рассказывать, но в аудитории сидели не дети, и все воспринималось так, как надо. И, похоже, я сумела наконец-то заразить своей увлеченностью студентов, потому что эмоциональная отдача, получаемая от них, была очень ощутима. Закончилась лекция, а мы еще минут пять обсуждали особенности отношений Маяковского и его музы, не приходя к единому мнению.

Затем студенты стали собираться, а я начала складывать конспекты. Настроение было приподнятым, как всегда бывает, когда достигаешь успеха в каком-то деле.

Мне, несмотря на небольшой опыт в преподавании, уже было знакомо это потрясающее ощущение хорошо и удачно проведенного урока, удовольствие от завершения трудной работы. Но на новом месте это было впервые. И неожиданно. И от того еще более невероятно.

Я ждала, когда студенты выйдут, чтоб сесть и наконец-то выдохнуть, смакуя в голове самые удачные моменты урока и анализируя его, потому что надо же закрепить этот успех! Выяснить, что именно я сегодня сделала правильно.

– Татьяна Викторовна!

Ого! Дежавю… Где там моя боевая папка?

Глеб проследил за выходящими однокурсниками, повернулся, поймал мой тоскливый взгляд, устремленный туда же, усмехнулся грустно.

– Татьяна Викторовна, я хотел извиниться…

Да неужели!

Я стояла, предусмотрительно выставив перед собой папку, и удивленно слушала вполне искренние извинения.

Глеб выглядел раскаявшимся, смотрел прямо в глаза, расстояние нагло не сокращал. Может, и в самом деле, сожалеет?

– Хорошо, Глеб. Я буду считать случившееся недоразумением и постараюсь забыть…

Показалось мне, или глаза его в самом деле зло блеснули?

– Я бы хотел загладить вину… Может, угощу вас кофе?

А нет! Ничего мне не показалось! Это просто очередной виток подката, чуть более сложный, раз уж напролом не получилось.

– Спасибо! Ограничимся извинениями.

Я взяла сумку, обошла Глеба и устремилась к выходу, радуясь, что все разрешилось хорошо.

И через секунду, летя назад, в руки своего студента, который, не особо задумываясь, молниеносно дернул меня локоть, разворачивая к себе и слегка

перестаравшись, я успела лишь ощутить сожаление, что зря порадовалась раньше времени.

Глеб, судя по всему, действительно не рассчитав силу, удерживал меня уже обеими руками за плечи, лишая таким образом возможности снова обороняться папкой с конспектами, и смотрел в глаза. Зло. Серьезно. Жадно.

– А чего ж так, Татьяна Викторовна? А? – Спросил он тихо, но настойчиво, – не нравлюсь?

– Глеб, – я повела плечами, пытаясь высвободиться и раздумывая, не пора ли начать звать на помощь, – это неуместный вопрос. Мы с вами находимся в учебном заведении, у нас разный статус… Отношения со студентами – это дикость, это противоречит… Профессиональной… Этике…

С каждым словом я говорила все тише, все труднее произнося слова, потому что Глеб, не сжимая сильнее, чем надо, не причиняя боли, ухитрялся каким-то образом воздействовать на меня, подавлять. Взгляд его темнел, губы сжимались плотнее, синяк на скуле, след от удара папкой, стал бурым от напряжения.

– Какая, блин, этика? Какой статус? Да я старше тебя! Ты чего несешь?

– Не смейте… Так… В таком тоне…

Я изо всех сил пыталась вывернуться из его рук, но безуспешно.

Ситуация позавчерашнего дня повторялась, но теперь я не могла оказать достойного сопротивления! Какая же я глупая! Поверила в его искреннее раскаяние! Нет там никакого раскаяния! Только желание добиться своего и злость от того, что не выходит!

– Да какой еще тон? Чего ты все строишь из себя?

Глаза его стали совершенно дикими, яростными, а я внезапно вспомнила, что ноги-то свободны!

Удару коленом по яйцам меня обучили еще в детском доме старшие девчонки. А тренировалась я уже на мальчиках.

Там же.

Глеб изменился в лице, выпустил меня, согнувшись и тихо матерясь.

Я прижала покрепче конспекты, не удержавшись, оглядела поверженного неприятеля и поспешила прочь, по пути зарекаясь когда-либо оставаться с ним наедине.

И забывая об известной поговорке.

Глава 7

В выходные мы поехали к Юрику на дачу, ловить последние теплые деньки.

Дача, само собой, была не его, а его прабабушки, вдовы довольно влиятельного в свое время чиновника, сумевшего в веселые девяностые закрепить за собой много собственности, положенной ему по статусу.

Дача в ближнем Подмосковье как раз к таким объектам относилась.

Сыновья и внуки оказались тоже с препринимательской жилкой, прямо даже и не скажешь, что интеллигенция.

Поэтому старая чиновничья дача, отстроенная еще в семидесятых, превратилась в добротный дом, практически родовое поместье, в котором можно было проживать постоянно.

Соседи, сплошь представители старой и новой элиты, жили дружно, не ссорясь.

Мне нравилось это тихое место, нравились многолетние деревья на большом участке, сосны и ели, плодовые деревья и заросли смородины и крыжовника.

Прабабушка, Маргарита Васильевна, очень бодрая пожилая леди, обожала меня, постоянно угощала вкуснейшим печеньем, которое пекла по особому рецепту, и выспрашивала о современных модных тенденциях. В последнем вопросе я ей мало чем могла быть полезна, конечно, но разговаривать с ней очень любила.

Маргарита Васильевна, будучи женой советского чиновника, часто выезжавшего за границу, много где побывала, застала еще мир до всеобщей глобализации, к тому же, как и я, обожала русскую литературу.

Юрик именно по ее настоянию пошел учиться на гуманитарный.

Тут в пролете оказались и отец, желавший сделать из него военного, и мать, настаивавшая на карьере журналиста, ну а многочисленные дяди, тети, бабушки и дедушки вообще права голоса не получили.

Юрик, с ужасом иногда представлявший, что бы он делал на военном факультете, был прабабушке бесконечно благодарен.

Он сгрузил меня с вещами в дом и благополучно свалил по своим делам, прикрыв таким образом хитрый зад.

Маргарита Васильевна, как всегда, при параде, с современным идеальным макияжем и изящно уложенными волосами, была немного возбуждена.

С юмором посмотрев вслед усвиставшему правнуку, она рассеянно провела рукой по укладке, зорко оценивая мой внешний вид.

– Танечка, у тебя есть что-то поинтереснее этого рваного кошмара?

Это она о моих джинсах, из последней коллекции, между прочим!

Юрик уговорил купить, и даже оплатил, сама бы ни в жизнь не взяла! Шутка ли, целая моя зарплата! Да и повода их одевать куда-либо у меня не было. Только-только нашла применение, как, оказывается, и здесь они не в тему!

– А что такое?

– Сколько раз говорила тебе, лапушка, женщина должна одеваться изящно и скромно. Так, чтоб мужчине хотелось ее раздеть! А этот джинсовый ужас, скорее всего, захочется зашить. А зачем нам мужчина-швея?

– Маргарита Васильевна, так мне их Юрик покупал…

– И это вообще нисколько его не красит! А уж о вкусовых пристрастиях я промолчу!

Да уж, о вкусовых пристрастиях вашего внука вам лучше не знать… Однако, чего это мы все такие взволнованные?

– А что случилось-то, Маргарита Васильевна?

– Ровным счетом ничего… – Пропела пожилая леди, опять повернувшись к зеркалу и изучая свой безупречный макияж. – Знаешь, в этих уроках на Ютуб что-то есть… Столько новинок появилось, так наука вперед шагнула…

Говоря это, она подправила какую-то, видимую только ей, оплошность, и повернулась ко мне.

– Ладно, я подберу тебе что-нибудь из своих вещей. Ты такая же худенькая, как я в молодости. Так что найдется наряд…

– Да зачем?

– Как зачем? Я не сказала разве? Мы идем в гости.

– К кому?

– О, через улицу от нас, приятнейшие люди! Меня Сергей Павлович пригласил, а мне одной как-то неудобно… Думала, вы с Юрасиком составите компанию. Но, раз он улетел куда-то, будешь за двоих отдуваться…

– Но зачем вам я? – я растерялась, не зная, что сказать.

Мало того, что Юрик меня кинул, ведь наверняка знал о прабабушкиных намерениях, звездун такой, так еще и неизвестный Сергей Павлович откуда-то нарисовался, и теперь мне к незнакомым людям идти. А, учитывая, что простых семей в дачном поселке годов так с шестидесятых не водилось, сначала сплошь

деятели культуры и спорта, позже – чиновники всех мастей, а теперь вот – столичные богачи, выкупившие у обедневших наследников советского режима их земли и застроившие все вокруг своими поместьями на шести отдельно взятых сотках, то понятное дело, что соседи будут не из простых. Не зря же Маргарита Васильевна так наряжается.

И зачем там я?

Я отдыхать приехала, побродить по лесу, подышать хвойным ароматом сосен, пособирать гербарий… Почитать, лежа на качелях, на свежем воздухе. У меня как раз намечен Пастернак на перечитывание…

Это все я попыталась донести до хозяйки дома, но, конечно же, услышана не была. Маргарита Васильевна проявила свой знаменитый упертый нрав, и дальше меня понесла стихия.

Вот мы в ее гардеробной, размером с мою съемную квартиру в Москве, она вытаскивает и швыряет на кушетку разноцветые платья, приговаривая:

– Это – не то, это – тоже, это – уж совсем смешно, это – что это такое вообще? Откуда оно у меня? Кошмар какой, надо кинуть на тряпки… А вот это может быть… Надевай.

И, обходя меня кругом, поправляя крепдешиновое платье нежного бежево-персикового цвета, усыпанное мелким горохом, одобрительно покивала головой.

– Да… Когда-то я надевала его на прием в посольство Голландии… Ах, как за мной ухаживал один интересный голландец! Какой был мужчина, мммм….

Я всматривалась в свое отражение, немного нервно оглаживая отложной воротничок и поправляя пояс на талии. Широкая, довольно длинная юбка до

лодыжек расширялась солнцем, образуя мягкие складки, крепдешин придавал образу воздушность. И цвет подчеркивал темные волосы и тон кожи. Да, пожалуй, мне и в самом деле идет…

– Нравится? – немного ревниво спросила Маргарита Васильевна, а когда я нервно кивнула, облегченно выдохнула, – ну вот и замечательно! Дарю! И не возражай! Пусть платье хотя бы еще раз увидит свет. Оно этого достойно. И, к тому же, винтаж сейчас в моде, а уж большего винтажа и не найти, это моя мама носила, в сороковых.

Я еще раз оглядела себя, уже довольно и с улыбкой. Приятно все же, когда вот так вот радуют. Хоть и не заслуженно, конечно. Ведь прабабушка рассчитывает на появление праправнука…

Совесть, некстати заявившую о себе, удалось придавить выданными Маргаритой Васильевной винтажными же туфельками бежевого цвета, и окончательно задушить легкой бархатной накидкой, как раз для теплых осенних вечеров.

– Прическу сделай легкую, дорогая! – командовала Маргарита Васильевна, – пожалуй, небрежный пучок подойдет. У тебя очень красивые волосы, и челка тебе к лицу. Только сними, Бога ради, очки!

– Но я не взяла линзы с собой…

– Ничего, легкая близорукость расфокусирует взгляд и придает даме шарм беззащитности. Любой мужчина сразу захочет тебя взять под свое крыло и подарить безопасность…

– Но Юрик…

– Милая моя, – Маргарита Васильевна подошла ко мне, взяла за руку, усадила на кушетку прямо в этом шикарном платье, – я, конечно понимаю, что мой правнук очарователен, но, голубушка, он же стопроцентный, как это сейчас говорят… Гей?

Как я с этой кушетки не свалилась, не представляю. Наверно, мое лицо отразило всю гамму эмоций, потому что милая старушка, с удовольствием наблюдая за моим замешательством, добавила абсолютно спокойно:

– Юрочка – очень хитрый мальчик. Всегда таким был. Но это не значит, что ему удавались все его шалости. Я не знаю, что об этом думают его родители и на что рассчитывают, но меня ему обманывать никогда не удавалось. Поэтому, не волнуйся, моя хорошая. Я наблюдала за вами, и поняла, что ты – такая же честная и чистая душа, как и я. И дружишь с моим внуком не из-за корысти. Ты мне очень нравишься, девочка. И я желаю тебе счастья. И Юрочке, чем бы он там не занимался, тоже желаю счастья. И на этом мы закончили. Сергей Павлович сейчас приедет.

И ушла, шурша шелком светлого модного платья, оставив меня сидеть на кушетке, осмысливая произошедшее.

И сгорая от стыда.

Глава 8

Сергей Павлович оказался отставным генералом, с идеально прямой спиной и острым не по возрасту взглядом. Он галантно проводил нас до машины, мерседеса последней модели, что было для военного пенсионера некоторым образом чересчур.

Но я, понятное дело, вопросов глупых не задавала. И так ясно, что непрост генерал. Главное, чтоб Маргарите Васильевне нравился, а все остальное – не мое дело. К тому же я все еще испытывала дикий стыд за наш с Юркой обман и мысленно была занята тем, что высказывала неверному оболтусу все, что я о нем думаю, попутно побивая его.

Возможно, ногами.

Ехать было ровно две минуты, могли бы и пройтись, но в этих кругах просто так не ходят.

Дом, к которому мы подъехали, тоже домом не выглядел. Дворцом, скорее. Со всеми полагающимися дворцу атрибутами: фонтаном на входе и башенками на крыше. Я от волнения особенно ничего не запомнила, только и думала о том, как бы не облажаться. Нет, я, конечно, руками не ем, но и особых навыков общения в высшем обществе не имею. Наступлю кому-нибудь на ногу, или, там, скажу что-то не то…

Но, к счастью, все мои волнения были напрасными, потому что хозяева вообще не соотвествовали своему пафосному дворцу. Пожилая пара, они устраивали что-то вроде пикника на свежем воздухе, с шашлыком и развлечениями.

Гостей было немного, одеты все совершенно по-разному, как в рваные джинсы, так и в вечерние наряды. У меня отлегло, в конце концов, мое платье вполне могло сойти за летнее, а накидка не была откровенно вечерней, поэтому глупо я не смотрелась. И пошло тоже, как некоторые из гостей, девушки, нацепившие короткие платья и высоченные каблуки.

Маргарита Васильевна грациозно уселась в садовые качели рядом с хозяйкой дома, благодушно наблюдавшей, как гоняют мяч дети по оформленной дизайнером лужайке, периодически сминая богато украшенные клумбы. Никакого недовольства у нее это не вызывало, только улыбку.

Сергей Павлович ушел к мужчинам, стоявшим возле огромного барбекю и что-то громко обсуждавшим.

– А кто эта милая девочка? – спросила хозяйка дома, – на вас похожа. Внучка?

– Ах, если бы! Подруга моего внука, Юрочки. Он сам по делам уехал, негодник. Лапушка, – обратилась ко мне Маргарита Васильевна, – принеси мне водички, будь добра.

Я кивнула и направилась в дом, не углядев воду на столе возле барбекю.

Кухню нашла без труда, открыла холодильник, поискала бутылки. Услышала, как следом за мной кто-то зашел, и, не отрывая взгляд от полок, спросила:

– Не подскажете, где вода может стоять?

И тут над моей головой протянулась рука, доставая бутылку воды с верхней полки, куда я просто не заглянула.

Длинная такая мужская рука, очень большая, крепкая, вся заросшая черным волосом. Я обернулась, понимая, что вошедший стоит очень близко за моей спиной, и это неловко и дискомфортно, и застыла.

Передо мной, держа в одной руке бутылку, а другой опираясь на открытую дверцу холодильника, стоял мой студент, Давид Дзагоев. Близко стоял. И смотрел. Точно так же, как в аудитории на лекции. Прямо, темно и страшно. До мурашек страшно.

– Доб… рый день… – все же смогла выдавить я, хотя губы не особо поддавались.

– Здравствуйте, – своим низким густым голосом ответил он.

Я постояла, решая, продолжать ли разговор, выяснять ли, что он здесь делает, но потом подумала, что это явно не вежливо, да и глупо. Наверно, сын друзей хозяев дома, или племянник, или еще кто-то… Какая разница? Пусть бутылку отдаст, и я пойду.

Вот только он словно забыл о том, что я просила воду, так и стоял, буквально в нескольких сантиметрах от меня, не отводя пугающего взгляда.

Я аккуратно потянула бутылку из его рук, Давид перевел взгляд на мою ладонь, словно не понимая, что я делаю, а затем торопливо разжал пальцы.

– Спасибо большое! – выдохнула я и с облегчением выбежала прочь из кухни.

Спину жег пристальный черный взгляд.

Отдав воду, я уселась рядом с Маргаритой Васильевной на качели и попыталась отдышаться.

Ну ничего себе, совпадение! Такая Москва большая, столько богатых людей и дачных поселков! И как так получилось, что мы умудрились столкнуться?

Радовало в этой ситуации одно: Дзагоев – это не Шатров. Приставать не будет. А то, что смотрит, ну так и пусть. От меня не убудет.

– А кто этот очень большой мальчик? – долетел до меня вопрос Маргариты Васильевны, – вон там, у дверей дома, смотрит на нас?

– О, это Давочка, племянник моего Аслана. Очень хороший мальчик, чемпион. – похвасталась хозяйка дома. – Давид, иди к нам!

Ох, ё ты моё! Вот зачем звать его? Я откинулась на спинку сиденья, стараясь, чтоб лицо попало в тень. Может, обойдется?

Не обошлось.

Хозяйка, улыбаясь, познакомила нас с Давидом, а затем предложила:

– Может, ты покажешь Танечке сад? Знаете, – повернулась она к Маргарите Васильевне, нам сад делал специалист из Англии. Все уверяют, что аутентичный совершенно получился. Давид, своди Татьяну на экскурсию, чего ей с нами сидеть…

Я поняла, что отпираться сейчас и говорить, что очень мне даже интересно посидеть с ними на качелях, глупо, поэтому встала, опираясь на галантно предложенную Давидом руку.

Горячую такую, крепкую и сухую.

Как там поговорка звучит, про доверие и горячие мужские руки? Если исходить из нее, то Давиду можно было доверять абсолютно.

Он пропустил меня вперед, жестом указывая направление, а я молча пошла, спиной ощущая напряженный жгучий взгляд. Ужасно неудобно, ужасно.

Едва мы зашли за угол дома и скрылись из вида, как я обернулась, едва не утыкаясь в грудь Давида, не ожидавшего от меня резкого движения и не остановившегося сразу.

– Давид, – я подняла подбородок, посмотрела в малоэмоциональное лицо с очень эмоциональными глазами, – я думаю, что не стоит мне вас утруждать, я сама прогуляюсь…

– Мне несложно, – пробасил он, подхватил меня под локоть, разворачивая в сторону сада.

Ну ладно! Я хотела по-хорошему!

– Давид, я думаю, что это неудобно. Да и не очень мне хочется куда-то идти. Спасибо, я вернусь, пожалуй.

– Боитесь меня?

Я, уже наладившаяся обойти его, затормозила.

– Нисколько!

Даже смешно, как он мог такое подумать…

– Тогда почему не хотите со мной прогуляться?

Я постояла, подумала и пошла в направлении сада.

В самом деле, что за глупость. Неудобство какое-то, страхи… Обычная житейская ситуация. Сейчас покажет он мне сад, потом вернусь обратно и отпрошусь у Маргариты Васильевны домой. Пешком дойду, здесь ровно две минуты ходьбы.

Прогуляюсь как раз, воздухом подышу.

Сад в самом деле оказался роскошным. Зеленые лужайки, строгие линии, ажурные арки, увитые цветами. Я не сдерживала восторженных вздохов. Давид следовал за мной молчаливо, лишь иногда давал краткие пояснения. Немного оттаяв и успокоившись, я даже пообщалась с ним. Спросила, почему выбрал именно этот университет. Физкультурных отделений много в столице.

Давид пожал плечами:

– Глеб позвал. Я пошел.

– А вы давно дружите?

– С армии.

Тут я вспомнила свою мысль, что мелькнула, когда Юра рассказывал про этих ребят. Ту самую, которая у меня не стыковалась с самой ситуацией.

– А почему вы решили идти в армию? Ведь, насколько я понимаю, возможности не служить у вас и у Глеба были…

Он внимательно посмотрел на меня, подумал, а затем ответил, коротко и веско:

– Потому что мужчина – это воин. Он должен служить.

Я не нашлась, что ответить, и отвернулась к шикарному кусту, усыпанному осенними розами.

Я не хотела, чтоб Давид видел, как меня тронули его слова.

Для меня было невероятным, что в наше время, когда все вокруг только и стремятся избавиться от ненужной повинности, есть люди, которые думают по-другому. И не только думают, но и действуют в соответствии со своими убеждениями.

Задумавшись, я машинально наклонилась и вдохнула аромат цветов. И до этого яркий, сейчас он просто ударил в голову, дурманя.

– Боже, какой аромат, просто дух захватывает, – пробормотала я, поглаживая подушечками пальцев нежные лепестки.

– Это от тебя дух захватывает, – голос Давида прозвучал совсем близко, и я, вздрогнув, распрямилась, утыкаясь опять носом в его грудь.

Что он сказал? Послышалось?

Я посмотрела в его лицо и поняла, что не послышалось мне.

Давид заметно волновался, тяжело дышал и смотрел на меня, внимательно и строго. И взгляд его уже не пугал, не вызывал оторопь.

Он завораживал.

Поглощал.

Лишал разума и воли.

Глава 9

– Ты очень красивая, Татьяна Викторовна, – все так же тихо сказал Давид, напряженно смотря на меня.

Я, честно говоря, опешила и не знала, что ответить. Поблагодарить? За комплимент. Или… Или это вольность, которую нельзя позволять своему студенту? Но, с другой стороны, мы же не в университете… Мы здесь оба гости, на равных позициях. Почему симпатичный парень не может мне сделать комплимент? Что в этом такого? К тому же он, в отличие от своего приятеля, не делает резких необдуманных движений.

Ну вот пожалуйста, вспомнила Глеба, и губы сразу обожгло фантомной болью от жадных укусов. Да уж, этот бы точно не церемонился сейчас, рассказывая о том, какая я красотка. Утащил бы в эти же самые кусты осенних роз, пока никто не спохватился…

Стоп! Я что, об этом с удовольствием и сожалением думаю? Я – больная? Похоже, да.

Шок от собственных мыслей взбодрил, привел в чувство. Я отвела взгляд, и пробормотала:

– Спасибо большое, Давид. Пойдемте к остальным гостям?

И уже сделала шаг в сторону, когда Давид аккуратно взял меня за руку:

– Ты мне очень понравилась.

– Я… Я не знаю, что вам ответить, потому что это все неправильно, и не стоит начинать, и…

– Можно, я поцелую тебя? Просто поцелую, один раз.

Я хотела сказать "нет".

Вот правда, хотела! Но не смогла.

Давид смотрел так жарко, так темно и так умоляюще, что я, уже привыкшая видеть только его безэмоциональную маску, сейчас буквально дар речи потеряла.

И молчание мое было воспринято совершенно неправильно.

Потому что удерживающая меня рука сомкнулась охотничьим силком, притягивая к горячему телу, вторая рука привычно, будто так и надо, будто уже не в первый раз, легла капканом на затылок.

Я, прижатая к крепкой широченной груди, втянула носом пряный мужской аромат и одурела похлеще, чем от роз за минуту до этого. Даже голова закружилась.

И да, я молчала.

Ошарашенная происходящим, буквально не могла сказать ни слова.

А Давид наклонился и сначала легко, будто пробуя, коснулся моих губ, обезоруживая нежностью. Прихватил нижнюю, аккуратно, словно боясь спугнуть, едва слышно выдохнул, помедлил, будто ожидая сопротивления. Которого не было. Я просто не могла его останавливать, слишком необычно было то, что происходило.

Нет, меня конечно же целовали раньше, и даже совсем недавно, но никогда вот так. Словно пробуя драгоценный десерт, волшебное лакомство, настолько дорогое, что его и касаться страшно, и в то же время отказаться невозможно.

Я тоже не сдержала взволнованный выдох, захваченная происходящим.

И это было воспринято, как команда к действию.

Потому что губы стали настойчивей и активней, прижались ко мне сильней, язык скользнул в рот, вызывая сладкую дрожь во всем теле. Голова внезапно закружилась, а тело радостно обмякло в крепких удерживающих руках, совершенно не протестуя против усилившегося напора. Я закрыла глаза, полностью отдаваясь новым восхитительным ощущениям и забыв на время о всех своих предубеждениях.

Давид умел целовать, это было ясно с самого начала. Конечно, такой красивый горячий парень… У него наверняка нет отбоя от подружек.

Было, на ком оттачивать мастерство.

Которое теперь все пошло на мое соблазнение.

А то, что это было соблазнение – вот к гадалке не ходи.

Проверенные движения, сначала осторожный, а затем все более уверенный поиск нужных точек влияния, выяснение, как мне нравится, от чего я начинаю дрожать и таять.

Разведка боем, короче говоря.

И, самое интересное, что краем мозга прекрасно понимая происходящее, я, тем не менее, отказаться и остановить Давида не могла и не хотела, буквально распадаясь на атомы от удовольствия, что дарили его опытные губы.

Он зарычал, все больше теряя контроль, освободил мой рот, зацеловывая шею, остро реагирующее местечко за ухом, закинул мои безвольные руки себе на плечи, прикусил плечо, и все это время успевал еще и бормотать хрипло:

– Не могу, хочу тебя, сразу же, прямо там, на крыльце, как увидел, такая маленькая, такая куколка, хочу, хочу, охереть как, хочу, моя, моя, моя…

И еще какие-то слова на незнакомом, невероятно красивом певуче-гортанном языке.

Этот шепот сводил с ума, заставлял тело регировать, отдаваться ноющей требовательной болью в тех местах, что он успел зацеловать, и, особенно, в тех, куда пока что не добрался. Ноги отказывались стоять, подламывались каблуки, низ живота сводило тупой тяжелой волной, руки его, с огромными, жесткими ладонями, были, казалось, везде, успевая погладить, пощупать, сжать властно и уже по-собственнически. Я чувствовала себя податливой глиной в пальцах гончара, который ласково, но настойчиво лепил из меня то, что надо ему. Делал со мной то, что хотел.

– Сладкая такая, не могу, все, не могу больше, хватит уже, и так сколько терпел, пошли…

Я,ничего не соображая, покорно пошла туда, куда он повел меня, крепко держа за руку и периодически останавливаясь, чтоб опять поцеловать и добавить безумия.

Давид меня словно одурманил своим ласковым напором, своими горячими, бессовестными словами, своей решительностью. Возможно, и даже скорее всего, я потом пожалею об этом. Но это будет потом. А сейчас не могла думать, только чувствовала. Только хотела.

Давид, как неумолимый ледокол, вел меня к дому, какими-то окольными путями, умудряясь не натолкнуться ни на одного гостя, и, вполне возможно, так и утащил бы туда, куда хотел, и сделал бы со мной все, что собирался, но тут откуда-то сбоку раздался знакомый веселый голос:

– Таня!

Я вздрогнула, оборачиваясь, и увидела Юрика, спешащего ко мне от подъездной дорожки.

Давид еле слышно выругался, наполовину по-русски, наполовину на своем непонятном языке, еще крепче сжал мою руку и сделал неопреденное двидение по направлению к дому, словно собирался утащить меня туда прямо на глазах предполагаемого жениха.

Но я уже опомнилась, и, жутко покраснев, вырвала ладонь из его обжигающих пальцев.

– Милая! – Юрик подошел, стрельнул глазами в Давида, и, играя на публику, интимно коснулся губами моего виска, – куда это ты?

– Яааа… – я покраснела еще сильнее, наверно, даже не покраснела, а побуровела, слыша за спиной тяжелое, ничего хорошего не предвещающее сопение Давида, спешно пытаясь выдумать, куда это я иду за руку со своим студентом, с красными натертыми губами и разворошенной прической. И, кстати, что у меня там с платьем происходит? Может, уже и успел разорвать, бесцеремонно лапая везде, где хотелось?

– Яааа…

– В туалет, наверно? Платье поправить? – помог мне Юрик, широко улыбаясь, и показательно не замечая наверняка зверского выражения лица Давида.

– Даааа…

– Пойдем, я провожу тебя, милая. Спасибо вам за помощь!

Он кивнул Давиду, взял меня под локоток и, как ни в чем не бывало, увел прочь, оставив озверевшего парня на крыльце, буквально метр не успевшего дотащить меня до точки невозврата.

Поздоровавшись со всеми присутствующими жизнерадостным возгласом и помахиванием руки, Юрик завел меня в дом через кухню и открыл дверь, за которой находилась просторная ванная комната.

– Давай, дорогая, приходи в себя, а то на тебе лица нет, – улыбнулся он и встал у двери, скрестив руки и разглядывая меня с веселым недоумением, – и помады на губах тоже нет, я смотрю, и надо бы засосы чем-то закрыть…

Я повернулась к зеркалу, уставилась на совершенно незнакомого человека, глядящего на меня оттуда. С бешеными блестящими глазами, исцелованными губами, растрепанная до неприличия.

И, черт! Два здоровенных, пока что красных, но уже стремительно синеющих пятна на шее! Вот это да! И как мне быть? Позорище-то какое!

Понимание, чего я только что избежала, свалилось на меня, как пыльный мешок в темноте, и отозвалось мурашками по коже.

Руки задрожали так сильно, что я вынуждена была уцепиться за края раковины.

– Дорогая, – Юрик, поняв, что мне плохо, подошел и обнял за плечи, глядя в зеркало в мои глаза, – успокойся. Давай я тебе помогу.

Он повернул меня к себе, намочил ладонь и провел по лицу, шее и затылку, приводя в чувство.

– Вот так, все хорошо, – приговаривал он, – а то совсем растрепалась. Кто тебя так растрепал, а? Дзагоев? Как же ты к нему попала в лапы-то, моя малышка?

– А нечего сваливать и подставлять меня, – прохрипела я, чувствуя облегчение и ясность в голове, – гад мелкий.

– Вот, узнаю свою занозу! – обрадовался Юрик, – а то я уж думал, все, пропала моя циничная малышка! Погибла в лапах брутального самца!

– Ах ты сволочь!

Юрка, хохоча, увернулся от прицельного пинка, и подхватил меня на руки. Благо, размеры ванной позволяли не только уворачиваться, но и вальс танцевать.

– Понравился он тебе, да, Танюх? Хороший мальчик, ага, я заценил.

– Ты гад, сволочь, пакостник! Никогда не прощу, никогда!

Я кричала, ругалась, била его и даже царапала, но Юрик все же мужик, выше меня на голову и, само собой, сильнее. Поэтому отпустил он меня только, когда сам захотел, предварительно защекотав до полусмерти.

– Ладно, пошли к людям, Танюх. А то там все в недоумении, что мы так долго. Уже думают всякое, – он весело подмигнул, а я опять покраснела.

Стыд-то какой! Что обо мне люди подумают?

– Так что за происхождение засосов можешь не переживать. Возьму удар на себя, – великодушно заявил Юрик.

Я хмыкнула и ответила язвительно:

– Твоя прабабушка знает все про тебя, идиот! Кого ты дуришь?

– Ха! – ничуть не удивился Юрик, – бабуля не сдаст. Пошли.

Остаток вечера он не отходил от меня, успевая участвовать во всех движухах. Громко смеялся, обсуждал какие-то общие темы, целовал в щеку Маргариту Васильевну, играл в дартс с Сергеем Павловичем, обнимал меня, показательно интимно шепча всякую глупость на ушко и подмигивая посмеивающейся прабабушке. Короче говоря, всех очаровал, всех сплотил, всех развлек. И только

одна я видела, что своими действиями он умело отвлекает внимание от меня, все еще находящейся основательно не в себе, и, особенно, от Давида, сидящего в тени в гамаке и сверлящего оттуда меня черным мрачным взглядом.

Глава 10

Понедельник случился внезапно, и, конечно же, не особо радостно.

Я, полная мрачных воспоминаний и предчувствий, пришла на работу и первым делом обрадовала первокурсников промежуточным тестом.

Нет, я не зверь. И честно предупреждала о проверке знаний в пятницу. И даже на доске писала. И на сайте на специальной странице тоже указала, вместе со ссылками на материал.

Но, конечно же, все равно монстр, и изверг, и садюга. Ну да, куда же без этого. Но это еще цветочки. Милые спортивные мальчики и девочки не в курсе, что без нормальных итогов всех промежуточных тестов не видать им зачета в сессии.

Обрадую после, пожалуй. Пусть осмыслят.

Конечно, первокурсники еще ничего понять и осознать толком не могут, и грандиозность надвигающейся задницы по имени "первая зимняя сессия", вряд ли способны оценить… Ну что ж, все мы через это проходили.

Хорошо учиться на чужих ошибках, но кто ж так делает?

Вечерние пары у меня всегда заняты старшекурсниками. Памятуя свой успех на прошлом занятии, я в этот раз подготовилась совершенно по-другому, потрудилась, выискивая не только необычные факты, но и то, что может быть интересно именно молодежи. И нашла! Оказывается, современные исполнители

не чураются классики! Хоть и в новой обработке, но смысл не искажен. Поэтому всех, кто не понял Маяковского, ждет сюрприз…

Только бы мне сюрпризов дополнительных не преподнесли.

Честно говоря, я не нашла на оставшихся выходных времени толком осмыслить произошедшее с Дзагоевым.

Сначала Юрик, вымаливая прощение за свинское поведение, развлекал меня, как мог, катая то на скутере по дачному поселку, то на лодке по местному озеру. Надо сказать, он был деликатен и глупых вопросов не задавал, смотрел только так многозначительно, что хотелось чем-нибудь шваркнуть наглую физиономию.

Затем Маргарита Васильевна утащила меня на суперважные косметические процедуры к своему стилисту. Да-да, у нее был свой стилист, свой любимый салон красоты, любимый дизайнер… Мне бы такую энергию и жизнелюбие в ее возрасте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/zayceva_mariya/lyubimaya-uchitel-nica

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити